

МАКРОЭКОНОМИКА

Для цитирования: Антипина О. Н., Кривицкая А. Д. Оценка влияния макроэкономических показателей на уровень счастья // Журнал экономической теории. — 2020. — Т. 17. — № 4. — С. 760-769

<https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-4.1>

УДК 330.101.541, 330.43, 330.88

JEL C23, E01, I31

О. Н. Антипина, А. Д. Кривицкая

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация; e-mail: antipina@econ.msu.ru)

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ НА УРОВЕНЬ СЧАСТЬЯ¹

Статья посвящена исследованию связи между объективными макроэкономическими показателями и субъективными оценками благополучия людей. Этот аспект является центральным для экономики счастья как одного из современных научных направлений.

В статье обоснован эконометрический подход к выявлению зависимости уровня счастья от макроэкономических показателей. Используются панельные модели данных за 2005–2019 гг. для 163 стран мира. Результаты моделирования показали, что среди макроэкономических переменных значимое положительное влияние на счастье оказывает ВВП на душу населения, а значимое отрицательное влияние — безработица и инфляция. Полученные количественные результаты акцентируют внимание на более сильном влиянии безработицы на уровень счастья.

Исследование дополняет ряд макроэкономических работ в области общественного и личного благополучия, фокусирующихся на выявлении взаимосвязей между уровнем счастья и величиной ВВП на душу населения, определении социально-экономических издержек безработицы и инфляции. Особую значимость эти исследования приобретают в контексте цифровизации экономики и преодоления негативных последствий пандемии COVID-19.

Ключевые слова: счастье, субъективное благополучие, субъективная удовлетворенность жизнью, экономическая теория счастья, ВВП, инфляция, безработица

1. Введение

Экономическая теория счастья (или экономика счастья) сформировалась в 1970-е гг. благодаря исследованиям связи между объективными макроэкономическими показателями и субъективными оценками благополучия людей (Антипина, 2012). Всплеск интереса к этой теории, продолжающийся по сей день, был также связан с вызовом в адрес совокупности макроэкономических показателей. В 2009 г. в докладе «комиссии Стиглица» прозвучал «призыв к пересмотру системы национальных счетов, к прекращению доминирующего использования ВВП при оценке всего — экономической активности, благополучия, качества жизни и т. д., призыв к сбору дополнительной информации о том, что позволит оценивать и контролировать экономические показатели и социальный прогресс, чтобы отражать то, что волнует граждан» (Stiglitz et al., 2009. P. 7).

Поскольку счастье (субъективное благополучие или субъективная удовлетворенность жизнью) абсолютное большинство людей считает главным для себя, после публикации доклада «комиссии Стиглица» экономика счастья была вынуждена принять часть вызова. Однако ответить на них не так просто. Связано это с тем, что счастье имеет не только экономическую составляющую. Понятию «счастье» присущ двойной дуализм — дихотомий «материальное — духовное» и «объективное — субъективное» (Старикова, 2018). Он всегда будет ставить перед исследователем вопрос о том, насколько счастье зависит от внешних по отношению к индивиду условий (в том числе материальных) и насколько оно достижимо благодаря личным усилиям (в том числе духовным). Как заметил А. Дитон, «в мире хлеба и зрелищ такие чувствительные к краткосрочным эффектам индикаторы, как счастье, на которые в большей степени влияет приближение Дня Святого Валентина, а не удвоение безрабо-

¹ © Антипина О. Н., Кривицкая А. Д. Текст. 2020.

тицы, улавливают зрелища, но упускают хлеб» (Deaton, 2011. P. 51).

Предстоит преодолеть много нерешенных проблем, прежде чем меры субъективного благополучия станут частью макроэкономического мониторинга. Во-первых, существует запрос на теоретические макроэкономические модели, включающие показатель счастья. Во-вторых, актуально совершенствование эмпирического анализа, в том числе использование больших данных, охватывающих все страны мира, а также увеличение количества временных периодов, по которым доступны данные. Такие работы остро необходимы для определения эффективных мер государственной политики, направленных на благополучие наций.

Целью нашего исследования стало выявление зависимости между макроэкономическими показателями и уровнем счастья. Оно дополняет ряд макроэкономических работ по проблематике общественного и субъективного благополучия, концентрирующихся на выявлении взаимосвязей между уровнем счастья и величиной ВВП на душу населения, определении социально-экономических издержек безработицы и инфляции. Особую значимость эти исследования приобретают в контексте структурных сдвигов под влиянием цифровизации экономики и преодоления негативных последствий пандемии COVID-19, связанных с экономическим кризисом и дополнительным уроном, нанесенным субъективной удовлетворенности жизнью вследствие роста безработицы и снижения доходов населения.

2. Обзор литературы

В 1974 г. основоположник экономики счастья американский экономист Р. Истерлин на базе результатов социологических опросов, из которых 10 относились к США за весь период после Второй мировой войны и 19 охватывали другие страны, в том числе развивающиеся экономики Азии, Африки и Латинской Америки, сформулировал выводы, составившие фундаментальные положения экономики счастья. Во-первых, на уровне отдельной страны представители группы населения с наиболее высокими доходами в среднем счастливее представителей группы населения с самыми низкими доходами. Во-вторых, ожидаемая исходя из первого вывода разница в уровне счастья между богатыми и бедными странами международными данными не подтвердилась. В-третьих, несмотря на экономический рост, в США за период 1946–1970 гг. колебания пропорции «очень счастливых»

жителей страны оказались незначительными (Easterlin, 1974). В обобщенной формулировке эти три вывода получили известность как «парадокс Истерлина», состоящий в том, что на страновом уровне богатые люди счастливее бедных, но экономический рост не ведет к повышению счастья нации в целом.

С помощью анализа временных рядов Р. Истерлин в 2013 г. провел исследование для 37 стран (17 развитых, 9 развивающихся и 11 стран, осуществивших переход от плановой экономики к рыночной) с временными интервалами от 21 до 34 лет, а в 2016 г. — для 43 стран (21 развитой, 14 развивающихся и 8 стран, осуществивших переход от плановой экономики к рыночной) с временными интервалами от 12 до 32 лет. Используя данные о субъективной удовлетворенности жизнью из Всемирного обзора ценностей, Европейского обзора ценностей и Латинского Барометра, а также показатели среднегодовых темпов роста реального ВВП на душу населения, он уточнил формулировку «парадокса»: колебания счастья и дохода (краткосрочные изменения) сонаправлены, а тренды (долгосрочные изменения) — нет (Easterlin, 2013, 2016).

Так Р. Истерлин отверг критику своего парадокса со стороны представителей разных наук, среди которых социологи Р. Вееenhoвен и Ф. Вергюнст (Veenhoven, Vergunst, 2014), психологи Э. Динер, Л. Тэй и Ш. Ойши (Diener et al., 2013), экономисты Д. Сакс, Б. Стивенсон и Дж. Уолферс (Sacks et al., 2010). В их работах либо было малым количество наблюдений, либо исследовались короткие временные ряды, либо имело место и то, и другое, что не позволяло выявить тренды изменений уровня счастья и дохода, но выводило их краткосрочную динамику.

Действие «парадокса Истерлина» объясняют два эффекта. Эффект сравнения состоит в том, что субъективная удовлетворенность жизнью изменяется под влиянием относительного, а не абсолютного дохода индивида. Благодаря этому эффекту люди не чувствуют себя счастливее на фоне повышения доходов всех по мере экономического роста, но реагируют на изменение своего дохода относительно ближайшего окружения. Эффект адаптации связан с привыканием индивида и к достигнутому уровню богатства, и к сложившемуся уровню бедности после кратковременной реакции на их резкое изменение. Благодаря этому эффекту люди ощущают снижение и рост удовлетворенности жизнью в периоды циклических кризисов и подъемов, но впоследствии привыкают к но-

вым условиям. Эффекты сравнения и адаптации могут действовать как по отдельности, так и совместно.

Подтверждение Р. Истерлином краткосрочных сонаправленных колебаний уровня счастья и темпов роста реального ВВП на душу населения придало значимость исследованиям, количественно оценивающим влияние на субъективное благополучие циклических изменений ВВП, инфляции, безработицы, а также неожиданных политических и социальных перемен, отразившихся на макроэкономических индикаторах.

В этой области у экономики счастья имеются существенные результаты.

Еще в конце 1990-х гг. Р. Ди Телла, Р. МакКуллох и Э. Освальд начали создавать «макроэкономику счастья». Сформулировав исследовательский вопрос: «Каковы издержки рецессий?», они подтвердили гипотезу о том, что рецессии сопряжены с потерями субъективного благополучия помимо и сверх снижения ВВП и роста безработицы. Используя панельные данные Евробарометра по 12 странам и результаты Общих социальных исследований США за период с середины 1970-х по середину 1990-х гг., с помощью регрессионной модели с фиксированными эффектами года и страны авторы установили, что в среднем каждый человек (занятый или безработный) не испытывает падения субъективного благополучия, если при снижении ВВП на каждые 1,5 процентных пункта его доход будет увеличиваться примерно на 3 %. Если же индивид становится безработным, то ему для сохранения субъективного благополучия необходима компенсация примерно 3800 долл. в год. Субъективная удовлетворенность жизнью также не изменится, если каждый процентный пункт повышения инфляции будет компенсирован индивиду суммой, равной 70 долл. (Di Tella et al., 2003).

Краткосрочная динамика ВВП на душу населения и уровня счастья в кризисные периоды исследовалась применительно к восточноевропейским странам, пережившим трансформационный процесс в 1990-х гг. (Easterlin, Zimmermann, 2006; Easterlin, 2009; Guriev, Zhuravskaya, 2009), к Китаю на фоне беспрецедентных экономических успехов на рубеже XX–XXI веков (Brockman et al., 2009; Easterlin et al., 2013), а также США в период «Великой рецессии» 2007–2009 гг. (Deaton, 2012; Easterlin, 2013).

С «трудностями перехода» связал Р. Истерлин тот факт, что в 1989–1999 гг. кривая, отражающая динамику уровня счастья в странах

Восточной Европы, имела тот же V-образный вид, что и динамика ВВП на душу населения. Примечательно, что, по его мнению, повышение уровня счастья было достигнуто за счет опережающего роста удовлетворенности материальным благосостоянием и экономической свободой на фоне снижения удовлетворенности работой, здоровьем, семейной жизнью. Однако у представителей двух групп населения этих стран — наименее образованных граждан и лиц старше 30 лет — роста уровня счастья не произошло, что было связано с их слабой готовностью к адаптации к рыночной экономике (Easterlin, 2009). В 2009 г. С. Гуриев и Е. Журавская, используя данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, показали сонаправленные изменения реального ВВП на душу населения и удовлетворенности жизнью в России в 1994–2006 гг. При этом с помощью данных Всемирного обзора ценностей они зафиксировали в странах с переходной экономикой L-образное снижение удовлетворенности жизнью по мере повышения возраста респондентов. Это радикально отличает переходные экономики от сопоставимых по ВВП на душу населения стран, не переживших столь радикальных реформ, где кривая удовлетворенности жизнью в зависимости от возраста имеет U-образный вид (Guriev, Zhuravskaya, 2009). Особый случай представляет собой Германия после объединения восточных и западных земель в 1990 г. Изначальное отставание уровня счастья населения восточных земель по сравнению с жителями западных территорий к 1997 г. минимизировалось вследствие роста уровня счастья на востоке и его снижения на западе страны. Однако в этих изменениях существенную роль сыграли не столько объективные экономические условия, сколько субъективное восприятие изменений в «образе жизни» (Easterlin, Zimmermann, 2006).

Исследовав удовлетворенность жизнью в Китае, Р. Истерлин с соавторами показали, что в 1990–2010 гг. динамика этого показателя была аналогична его траектории в восточноевропейских странах с переходной экономикой — снижение с последующим восстановлением при нулевом или отрицательном наклоне тренда за весь рассмотренный период. «Ожидаемого роста удовлетворенности жизнью вследствие четырехкратного увеличения среднедушевого потребления не наблюдалось. В ходе трансформации Китай перешел из разряда наиболее эгалитарных стран по показателю удовлетворенности жизнью в число стран

с самым низким его значением» (Easterlin et al., 2013. Р. 16–17). Парадокс снижения уровня счастья, несмотря на существенное повышение уровня жизни и доходов населения в период развития рыночной экономики в Китае, Х. Брокман и его соавторы объяснили концепцией «недовольных успехом», под которыми подразумеваются те, кто в ходе рыночных преобразований увеличили свой доход в абсолютном выражении, но стали беднее относительно «настоящих победителей». Произошло это в результате того, что экономический рост в Китае очень быстро привел к асимметричному сокращению доли наиболее богатых жителей страны, поэтому сравнительная неудовлетворенность финансовым положением большинства китайцев привела к снижению общего уровня счастья. Причину этого исследователи связали с так называемой «монетизацией счастья» в рыночной экономике — доступностью товаров, услуг и социального статуса за деньги. В то же время распад системы ценностей и норм, определенное недовольство политическим курсом не оказали существенного влияния на удовлетворенность жизнью в Китае (Brockman et al., 2009).

«Великая рецессия» 2007–2009 гг. в США «довела счастье до самого низкого из когда-либо фиксировавшихся уровней» (Easterlin, 2013. Р. 6). Тем не менее, А. Дитон обнаружил, что субъективное благополучие населения в целом восстановилось весной 2009 г., даже несмотря на то, что безработица продолжала расти, а рынок ценных бумаг, пройдя через дно в марте, оставался ниже своих показателей до кризиса (Deaton, 2011. Р. 17). Однако, по его расчетам, уровень субъективного благополучия безработного составлял 80 % от аналогичного показателя занятого полный рабочий день, что требовало в качестве компенсации шестикратного увеличения дохода. Связано это с тем, что «безработица ассоциируется с низкой удовлетворенностью жизнью и низким гедонистическим исходом, вне зависимости от эффекта потери заработка (или вдобавок к нему)» (Deaton, 2011. Р. 40).

Влиянию безработицы на субъективное благополучие посвящен ряд научных работ.

Среди исследователей этого аспекта сложился консенсус, суть которого хорошо сформулировал Р. Лэйард: «Работа приносит не только доход, но и дополнительный смысл жизни. Вот почему безработица — это трагедия: она сокращает доход, но она также снижает счастье, непосредственно разрушая самоуважение и социальные связи, созданные работой.

Когда люди становятся безработными, их счастье падает в меньшей степени за счет потери дохода, чем за счет потери работы как таковой» (Layard, 2011. Р. 67).

Еще в 1997 г. Э. Освальд на данных Британских панельных исследований домохозяйств показал, что снижение дохода оказывает меньшее влияние на субъективное благополучие по сравнению с потерей работы, вследствие психологического урона, наносимого стрессом, уровень которого среди безработных в два раза выше, чем среди занятых. Особенно он высок среди лиц, имеющих среднее и высшее образование. Это свидетельствует о том, что компенсация снижения субъективного благополучия в связи с потерей работы должна быть больше, чем размер снижения дохода (Oswald, 1997).

В 2009 г. Э. Кларк с группой соавторов из Германии поставили вопрос так: «Как влияет агрегированный показатель безработицы в стране на занятых и безработных?». Поиск ответа на него с помощью данных 23 волн (1984–2006 гг.) Социально-экономических панельных обследований населения Германии позволил выявить «эффект социальных норм» на рынке труда. Было обнаружено, что рост агрегированного показателя безработицы сокращает субъективное благополучие занятых, но оказывает совсем небольшое положительное воздействие на субъективное благополучие тех, кто уже находится в рядах потерявших работу, поскольку положение безработного начинает представлять менее отклоняющимся от социальной нормы (Clark et al., 2009).

Тем не менее, «ловушка несчастья», в которую попадает безработный, сохраняется продолжительное время, и прежний уровень счастья восстанавливается далеко не всегда, особенно у мужчин. Таков вывод из моделей, построенных Э. Кларком и его коллегами на данных Социально-экономических панельных обследований населения Германии, и Н. Пудхави — на данных Британских панельных исследований домохозяйств (Clark et al., 2006; Powdthavee, 2012). Это связано с так называемым «гедонистическим приспособлением», основанным на статистически наблюдаемой тенденции стабилизации уровня счастья индивидов на прежней «гедонистической отправной точке» после значимых благоприятных событий, но недостижении ее в случае неблагоприятных изменений. Потеря работы — именно та шоковая ситуация, в которой прежняя «гедонистическая отправная точка» не восстанавливается (Diener et al., 2006).

Переменные моделей

Группа факторов	Описание	Обозначения в моделях
Экономические	Логарифм величины ВВП на душу населения	<i>log(GDP per cap)</i>
	Коэффициент Джини (доступен с 2009 г.)	<i>Gini</i>
	Уровень инфляции по ИПЦ (% в год)	<i>CPI</i>
	Уровень безработицы (% безработных в рабочей силе)	<i>Unemploy</i>
Социальные	Социальная поддержка	<i>Social support</i>
	Продолжительность здоровой жизни	<i>Healthy life</i>
	Свобода совершения жизненных выборов	<i>Freedom</i>
	Щедрость	<i>Generosity</i>
	Восприятие коррупции	<i>Corruption</i>
	Доверие к правительству	<i>Trust gover</i>
Политические	Демократичность	<i>Democracy</i>
	Качество государственных услуг	<i>Delivery quality</i>

Инфляция, как и безработица, негативно сказывается на уровне счастья. В 2001 г. Р. Ди Телла, Р. МакКуллох и Э. Освальд, опираясь на данные Евробарометра по 12 странам за 1975–1991 гг., установили, что низким значениям инфляции и безработицы соответствуют более высокие оценки субъективного благополучия. Тем не менее, поскольку инфляция и безработица — макроэкономические показатели, связь между которыми устанавливается кривой Филлипа, увеличение безработицы на 1 процентный пункт может быть компенсировано снижением инфляции на 1,7 процентных пункта без изменения уровня счастья населения (Di Tella et al., 2001). Важно также подчеркнуть, что, как показывают многочисленные исследования, инфляция и снижение дохода оказывают меньшее влияние на субъективное благополучие по сравнению с потерей работы (Oswald, 1997; Wolfers, 2003; Di Tella et al., 2003).

Далее мы приведем наш эконометрический подход к выявлению зависимости уровня счастья от макроэкономических показателей.

3. Данные и эконометрическое моделирование

Для достижения цели нашего исследования были использованы данные Всемирного банка¹ и «Всемирного доклада о счастье»² (Helliwell et al., 2020), в котором на базе опросов Института Гэллага публикуется наиболее популярный в мире «Рейтинг счастья». Данные являются ежегодными и содержат информацию по показателям счастья, экономическим

и прочим индикаторам по 166 странам мира из 10 географических регионов³ за 2005–2019 гг. — период, когда человечество вступило в эпоху четвертой промышленной революции и цифровой трансформации экономики. Ввиду отсутствия части данных из рассмотрения были исключены непризнанные или частично признанные государства — Северный Кипр, Косово и Сомалиленд, которые присутствовали в исходной выборке. Таким образом, в отличие от указанных выше работ, оставив в массиве 163 страны, мы существенно увеличили выборку.

Зависимой переменной в моделях является субъективная оценка благосостояния, построенная с использованием методологии Кантрила и принимающая значения от 0 до 10. Объясняющие переменные включают экономические, социальные и политические факторы в форме индексов (табл. 1).

Исследование опирается на панельные модели данных. Сравняются между собой модели с фиксированными эффектами (*FE*), случайными эффектами (*RE*) и пул-регрессия (*Pool*). Результаты оценивания моделей приведены в таблице 2.

Тест на наличие фиксированных эффектов времени указывает, что эти переменные следует включить в модели. При этом не меняются знаки коэффициентов, а также не сильно меняются их значения, что свидетельствует в пользу качества подобранных моделей в терминах их устойчивости к изменению специфици-

¹ The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator>.

² World Happiness Report 2020 URL: https://happiness-report.s3.amazonaws.com/2020/WHR20_DataForTable2.1.xls.

³ Регионы соответствуют классификации Всемирного банка: South Asia, Central and Eastern Europe, Middle East and North Africa, Sub-Saharan Africa, Latin America and Caribbean, Commonwealth of Independent States, North America and ANZ, Western Europe, Southeast Asia, East Asia.

Таблица 2

Панельные модели

	(1) FE	(2) RE	(3) Pool	(4) FE	(5) RE	(6) Pool
<i>Time FE</i>	No	No	No	Yes	Yes	Yes
<i>Control variables</i>	Yes	Yes	Yes	Yes	Yes	Yes
<i>const</i>	0,874	0,00110	-0,242	-0,997	-0,508	-0,437
	(2,68)	(0,761)	(0,709)	(3,34)	(0,803)	(0,743)
	[0,745]	[0,999]	[0,733]	[0,765]	[0,527]	[0,557]
<i>log(GDP per cap)</i>	0,676**	0,487***	0,313***	0,856**	0,493***	0,322***
	(0,302)	(0,0935)	(0,0671)	(0,351)	(0,0951)	(0,0662)
	[0,027]	[0,000]	[0,000]	[0,016]	[0,000]	[0,000]
<i>CPI</i>	-0,00403**	-0,00382*	-0,00121	-0,00362**	-0,00366**	-0,000969
	(0,00200)	(0,00196)	(0,000816)	(0,00176)	(0,00186)	(0,000767)
	[0,046]	[0,052]	[0,139]	[0,041]	[0,049]	[0,208]
<i>Unemploy</i>	-0,0410***	-0,0345***	-0,0276***	-0,0359***	-0,0349***	-0,0265***
	(0,00988)	(0,00603)	(0,00594)	(0,0107)	(0,00619)	(0,00599)
	[0,000]	[0,000]	[0,000]	[0,001]	[0,000]	[0,000]
<i>Gini</i>	-0,00578	-0,202	-0,281	-0,0274	-0,168	-0,272
	(0,250)	(0,233)	(0,353)	(0,245)	(0,225)	(0,349)
	[0,982]	[0,388]	[0,427]	[0,911]	[0,456]	[0,437]
<i>n</i>	1084	1084	1084	1084	1084	1084
Испр. R ²	0,228		0,781	0,247		0,787
lnL	-214	-979	-868	-200	-938	-847
<i>Schwarz criterion</i>	1468,63	2048,73	1826,55	1503,78	2028,89	1848,26

Примечание: первая строка для каждой переменной содержит оценку коэффициента; под значением коэффициента в круглых скобках указана стандартная ошибка и в квадратных скобках — *p*-значение; символами «*», «**», «***» обозначена значимость коэффициентов на 10 %, 5 % и 1 % уровнях соответственно.

кации. Включение фиксированных эффектов географических регионов не улучшает модели.

Тесты Хаусмана, Бреуша-Пагана и тест на выбор между пул-регрессией и моделью с фиксированными эффектами указывают, что лучше всего данные описываются моделями с фиксированными эффектами. Таким образом, наилучшей моделью является модель (4) с фиксированными эффектами, включающая временные эффекты и позволяющая учесть как специфические особенности каждой страны из выборки, так и специфические особенности различных периодов времени. Данной модели соответствует уравнение:

$$\begin{aligned}
 Ladder_{it} = & \alpha_0 + \alpha_1 \log(GDP\ per\ cap)_{it} + \\
 & + \alpha_2 CPI_{it} + \alpha_3 Unemploy_{it} + \alpha_4 Gini_{it} + \\
 & + \beta_1 Social\ support_{it} + \beta_2 Healthy\ life_{it} + \\
 & + \beta_3 Freedom_{it} + \beta_4 Generosity_{it} + \\
 & + \beta_5 Corruption + \beta_6 Trust\ gover_{it} + \\
 & + \beta_7 Democracy_{it} + \beta_8 Delivery\ quality_{it} + \\
 & + \mu_i + \gamma_t + \varepsilon_{it},
 \end{aligned}$$

где *i* — индекс страны, *t* — индекс временного периода, *Ladder_{it}* — субъективная оценка благосостояния в стране *i* в момент времени *t*, α — коэффициенты при переменных интереса, β — коэффициенты при контрольных переменных, μ_i — фиксированные эффекты страны, γ_t — фиксированные эффекты временного периода, ε_{it} — случайная ошибка.

4. Выводы из моделирования и перспективы исследований

Результаты моделирования показали, что среди макроэкономических переменных значимое влияние на счастье оказывают ВВП на душу населения, безработица и инфляция, незначимое — коэффициент Джини.

ВВП влияет на счастье положительно во всех спецификациях модели. С учетом того, что в модель включен логарифм ВВП, рост ВВП на душу населения на 1 % при прочих равных условиях приводит к увеличению среднего по стране уровня счастья на 0,009 ед.

Уровень инфляции отрицательно влияет на средний уровень счастья. Увеличение го-

дового уровня инфляции на 1 процентный пункт при прочих равных условиях приводит к уменьшению среднего по стране уровня счастья на 0,004 ед.

Уровень безработицы отрицательно влияет на уровень счастья во всех спецификациях. Увеличение уровня безработицы на 1 процентный пункт при прочих равных условиях влечет за собой падение среднего по стране уровня счастья на 0,04 ед.

Полученные нами результаты в целом согласуются с выводами тех исследователей, которые акцентируют внимание на более сильном влиянии на уровень счастья безработицы по сравнению с ВВП на душу населения и инфляцией.

В связи с этим представляются актуальными следующие направления исследований.

Во-первых, уже в ближайшей перспективе будут востребованы исследования влияния экономических последствий пандемии COVID-19 на субъективное благополучие, в частности, анализ динамики уровня счастья в период пандемии на фоне изменений доходов населения. Интересные результаты может дать исследование рынка труда, если внимание будет обращено на то, как рост безработицы влияет не только на субъективное благополучие на национальном уровне, но и на уровень счастья отдельных категорий населения, в том числе работников частного и государственного секторов, занятых и безработных, а также самозанятых. Так, исследования, охватывающие страны Северной Америки, Западной и Восточной Европы, свидетельствуют о положительной связи между субъективным благополучием и самозанятостью (если только она приносит постоянный доход), причем самозанятые гораздо более счастливы, чем работающие по найму (Benz, Frey, 2008; Blanchflower, Oswald, 2011). Российская ситуация на рынке труда также такова, что более счастливыми являются высокообразованные самозанятые, активно включенные в процесс цифровой трансформации экономики (Shevchuk, Strebkov, 2012). Профессионалы и владельцы собственного бизнеса (разработчики сайтов, программисты, дизайнеры, переводчики, фотографы,

специалисты в области рекламы, маркетологи, консультанты, репетиторы и др.), имеющие высокую квалификацию, современные знания и навыки, в разной степени пострадали от последствий пандемии.

Во-вторых, одним из направлений дальнейших исследований должно стать совершенствование моделирования путем рассмотрения других компонентов благосостояния, в том числе отражающих эмоциональное состояние индивида (позитивный и негативный аффекты), а также включения новых экономических и контрольных переменных. В частности, возможно рассмотрение экономических переменных, выражающих открытость экономики, характеристики национальных рынков труда, а также контрольных переменных, являющихся экологическими и технологическими факторами, в том числе отражающими прогресс цифровизации. Их учет может дать новые результаты и понимание механизмов, которые в действительности влияют на них. Дальнейшие исследования также связаны с созданием теоретических моделей счастья в рамках макро- и микроэкономики. Разработка таких моделей сделает возможным переход от оценивания отдельных уравнений к оцениванию систем уравнений, описывающих экономику в целом, что позволит учесть больше взаимосвязей между рассматриваемыми показателями.

В-третьих, необходим убедительный ответ на дискуссионные вопросы, адресуемые экономике счастья: могут ли меры регулирования экономики сделать население более счастливым? И если могут, то в чем они должны состоять и на что быть направленными? Ответы на эти вопросы подразумевают сравнение эффектов от различных мер экономической политики, направленных на улучшение как экономической составляющей, так и других сфер жизни общества. Однако подобное исследование возможно лишь после завершения работы над выяснением влияния отдельных факторов на агрегированные по странам показатели счастья, так как оно подразумевает наиболее комплексный подход к проблеме счастья.

Список источников

- Антипина О. Экономическая теория счастья как направление научных исследований // Вопросы экономики. — 2012. — № 2. — С. 94–107. — <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-2-94-107>.
- Старикова А. А. Философские основания экономической теории счастья // Журнал экономической теории. — 2018. — Т. 5. — № 3. — С. 403–407. — DOI 10.31063/2073-6517/2018.15-3.5.
- Benz M., Frey B. S. The Value of Doing What You Like: Evidence from the Self-Employed in 23 Countries // Journal of Economic Behavior & Organization. — 2008. — Vol. 68(3-4). — P. 445–455. — <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2006.10.014>.

- Blanchflower D. G., Oswald A. J. International Happiness // NBER Working Paper, 16668. — 2011. — 47 p.
- Brockman H., Delhey J., Welzel Ch., Yuan H. The China Puzzle: Falling Happiness in a Rising Economy // Journal of Happiness Studies. — 2009. — Vol. 10(4). — P. 387–405. — <https://doi.org/10.1007/s10902-008-9095-4>.
- Clark A. E., Diener E., Georgellis Y., Lucas R. E. Lags and Leads in Life Satisfaction: A Test of the Baseline Hypothesis // IZA DP. — 2006. — No. 2526. — 32 p.
- Clark A. E., Knabe A., Rätzl S. Boon or Bane? Others Unemployment, Well-Being and Job Insecurity // IZA DP. — 2009. — No. 4210. — 30 p.
- Deaton A. S. The Financial Crisis and Well-Being of Americans // NBER Working Paper 17128. — 2011. — 56 p.
- Diener E., Lucas R. E., Scollon C. N. Beyond the Hedonic Treadmill: Revising the Adaptation Theory of Well-Being. — American Psychologist. — 2006. — Vol. 61(4). — P. 305–314. — <https://doi.org/10.1037/0003-066X.61.4.305>.
- Diener E., Tay L., Oishi S. Rising Income and the Subjective Wellbeing of Nations // Journal of Personality and Social Psychology. — 2013. — Vol. 104(2). — P. 267–276. — DOI: 10.1037/a0030487.
- Di Tella R., MacCulloch R. J., Oswald A. J. Preferences over Inflation and Unemployment: Evidence from Surveys of Happiness // The American Economic Review. — March 2001. — Vol. 91(1). — P. 335–341. — DOI: 10.1257/aer.91.1.335.
- Di Tella R., MacCulloch R. J., Oswald A. J. The Macroeconomics of Happiness // The Review of Economics and Statistics. — Vol. 85(4). — P. 809–827. — <https://doi.org/10.1162/003465303772815745>.
- Easterlin R. A. Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence / David P. A., Reder M. W. (Eds.). Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramovitz. — New York: Academic Press, Inc., 1974. — P. 89–125.
- Easterlin R. A., Zimmermann A. C. Life Satisfaction and Economic Outcomes in Germany Pre- and Post-Unification // IZA DP. — 2006. — No. 2494. — 46 p.
- Easterlin R. A. Lost in Transition: Life Satisfaction on the Road to Capitalism // Journal of Economic Behavior and Organization. — 2009. — Vol. 71(2). — P. 130–145. — <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2009.04.003>.
- Easterlin R. A., Morgan R., Switek M., Wang F. China's Life Satisfaction, 1990–2010 // IZA DP. — 2013. — No. 7196. — 31 p.
- Easterlin R. A. Happiness and Economic Growth: The Evidence // IZA DP. — 2013. — No. 7187. — 32 p.
- Easterlin R. A. Paradox Lost? // IZA DP. — 2016. — No. 9676. — 35 p.
- Guriev S., Zhuravskaya E. (Un)happiness in Transition // Journal of Economic Perspectives. — 2009. — Vol. 23(2). — P. 143–168. — DOI: 10.1257/jep.23.2.143.
- Helliwell J. F., Layard R., Sachs J. // By eds. De Neve J.-E. World Happiness Report 2020. — N.Y.: Sustainable Development Solutions Network, 2020. — 202 p.
- Layard R. Happiness: Lessons from a New Science. — London, UK: Penguin Press, 2011. — 2nd Ed. — 363 p.
- Oswald A. J. Happiness and Economic Performance // The Economic Journal, Royal Economic Society. — 1997. — Vol. 107(445). — P. 1815–1831. — <https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.1997.tb00085.x>.
- Powdthavee N. Jobless, Friendless, and Broke: What Happens to Different Areas of Life Before and After Unemployment? // *Economica*. — 2011. — Vol. 79(315). — P. 557–575. — <https://doi.org/10.1111/j.1468-0335.2011.00905.x>.
- Sacks D. W., Stevenson B., Wolfers J. Subjective Well-Being, Income, Economic Development, and Growth // NBER Working Paper 16441. — 2010. — 53 p.
- Shevchuk A., Strebkov D. Freelancers in Russia: Remote Work Patterns and E-Markets // *Economic sociology* — The European electronic newsletter. — 2012. — Vol. 13. — No. 2. — P. 37–45.
- Stiglitz J. E., Sen A., Fitoussi J.-P. The Measurement of Economic Performance and Social Progress Revisited // OFCE. — 2009. — No. 2009–33. — 64 p. [Electronic resource]. URL: <https://spire.sciencespo.fr/hdl/2441/516uh8ogmqldh09h4687h53k/resources/wp2009-33.pdf> (accessed: 02.08.2020).
- Veenhoven R., Vergunst F. The Easterlin Illusion: Economic Growth Does Go with Greater Happiness // *International Journal of Happiness and Development*. — 2014. — Vol. 1(4). — P. 311–343. — DOI: 10.1504/IJHD.2014.066115.
- Wolfers J. Is Business Cycle Volatility Costly? Evidence from Surveys of Subjective Well-Being // *International Finance*. — 2003. — Vol. 6(1). — P. 1–26. — <https://doi.org/10.1111/1468-2362.00112>.

Информация об авторах

Антипина Ольга Николаевна — доктор экономических наук, профессор, профессор экономического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация; e-mail: antipina@econ.msu.ru).

Кривицкая Анна Дмитриевна — студентка экономического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация; e-mail: krivitskaiaanna@gmail.com).

For citation: Antipina, O. N., & Krivitskaya, A. D. (2020). Impact assessment of macroeconomic indicators on happiness level. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii* [Russian Journal of Economic Theory], 17 (4), 760-769

Antipina O. N., Krivitskaya A. D.

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation; e-mail: antipina@econ.msu.ru)

Impact Assessment of Macroeconomic Indicators on Happiness Level

This paper studies the effects of objective macroeconomic indicators on measures of subjective well-being. This issue is central to the economics of happiness as a modern academic research discipline.

The article provides an econometric approach to identifying the impact of changes in macroeconomic indicators on the reported level of happiness. We used models on panel data for 163 countries for the period from 2005 to 2019. The results of modeling showed that GDP per capita has a significant positive effect while unemployment and inflation, a significant negative effect on happiness. Our quantitative results show that unemployment depresses the reported level of happiness more than inflation does.

Our research complements a number of macroeconomic studies in the field of public and subjective well-being: it focuses on links between the reported level of happiness and GDP per capita and determines social and economic costs of unemployment and inflation. These studies are of particular importance in the context of digitalization of the economy and the negative consequences of the COVID-19 pandemic.

Keyword: happiness, subjective well-being, subjective life satisfaction, economic theory of happiness, GDP, inflation, unemployment

References

- Antipina, O. (2012). Ekonomicheskaya teoriya schast'ya kak napravlenie nauchnykh issledovaniy [Economics of Happiness as an Academic Research Discipline]. *Voprosy Ekonomiki* [Voprosy Ekonomiki], 2, 94–107. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-2-94-107>. (In Russ.)
- Starikova, A. A. (2018). Filosofskie osnovaniya ekonomicheskoy teorii schast'ya [Philosophical Foundations of Happiness Economics]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [Russian Journal of Economic Theory], 5(3), 403–407. DOI: 10.31063/2073-6517/2018.15-3.5. (In Russ.)
- Benz, M., & Frey, B. S. (2008). The Value of Doing What You Like: Evidence from the Self-Employed in 23 Countries. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 68(3–4), 445–455. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2006.10.014>.
- Blanchflower, D. G., & Oswald, A. J. (2011). International Happiness. *NBER Working Papers*, 16668, 47.
- Brockman, H., Delhey, J., Welzel, Ch., & Yuan, H. (2009). The China Puzzle: Falling Happiness in a Rising Economy. *Journal of Happiness Studies*, 10(4), 387–405. <https://doi.org/10.1007/s10902-008-9095-4>.
- Clark, A. E., Diener, E., Georgellis, Y., & Lucas, R. E. (2006). Lags and Leads in Life Satisfaction: A Test of the Baseline Hypothesis. *IZA DP*, 2526, 32.
- Clark, A. E., Knabe, A., & Rätzel, S. (2009). Boon or Bane? Others' Unemployment, Well-Being and Job Insecurity. *IZA DP*, 4210, 30.
- Deaton, A. S. (2011). The Financial Crisis and Well-Being of Americans. *NBER Working Paper*, 17128, 56.
- Diener, E., Lucas, R. E., & Scollon, C. N. (2006). Beyond the Hedonic Treadmill: Revising the Adaptation Theory of Well-Being. *American Psychologist*, 61(4), 305–314. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.61.4.305>.
- Diener, E., Tay, L., & Oishi, S. (2013). Rising Income and the Subjective Well-being of Nations. *Journal of Personality and Social Psychology*, 104(2), 267–276. DOI: 10.1037/a0030487.
- Di Tella, R., MacCulloch, R. J., & Oswald, A. J. (2001). Preferences over Inflation and Unemployment: Evidence from Surveys of Happiness. *American Economic Review*, 91(1), 335–341. DOI: 10.1257/aer.91.1.335
- Di Tella, R., MacCulloch, R. J., & Oswald, A. J. (2003). The Macroeconomics of Happiness. *The Review of Economics and Statistics*, 85(4), 809–827. <https://doi.org/10.1162/00346530372815745>.
- Easterlin, R. A. (1974). Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence. In P. A. David, M.W. Reder (Eds.). *Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramovitz*. New York: Academic Press, 89–125.
- Easterlin, R. A., & Zimmermann, A. C. (2006). Life Satisfaction and Economic Outcomes in Germany Pre- and Post-Unification. *IZA DP*, 2494, 46.
- Easterlin, R. A. (2009). Lost in Transition: Life Satisfaction on the Road to Capitalism. *Journal of Economic Behavior and Organization*, 71(2), 130–145. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2009.04.003>.
- Easterlin, R. A., Morgan, R., Switek, M., & Wang, F. (2013). China's Life Satisfaction, 1990–2010. *IZA DP*, 7196, 31.
- Easterlin, R. A. (2013). Happiness and Economic Growth: The Evidence. *IZA DP*, 7187, 32.
- Easterlin, R. A. (2016). Paradox Lost? *IZA DP*, 9676, 35.
- Guriev, S., & Zhuravskaya, E. (2009). (Un)happiness in Transition. *Journal of Economic Perspectives*, 23(2), 143–168. DOI: 10.1257/jep.23.2.143
- Helliwell, J. F., Layard, R., Sachs, J., & De Neve, J.-E. (Eds.). (2020). *World Happiness Report 2020*. N. Y.: Sustainable Development Solutions Network, 202.
- Layard, R. (2011). *Happiness: Lessons from a New Science*. London, UK: Penguin Press, 2nd Ed., 363.

Oswald, A. J. (1997). Happiness and Economic Performance. *The Economic Journal, Royal Economic Society*, 107(445), 1815–1831. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.1997.tb00085.x>.

Powdthavee, N. (2011). Jobless, Friendless, and Broke: What Happens to Different Areas of Life Before and After Unemployment? *Economica*, 79(315), 557–575. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0335.2011.00905.x>.

Sacks, D. W., Stevenson, B., & Wolfers, J. (2010). Subjective Well-Being, Income, Economic Development, and Growth. *NBER Working Paper*, 16441.

Shevchuk, A., & Strebkov, D. (2012). Freelancers in Russia: Remote Work Patterns and E-Markets. *Economic sociology — The European electronic newsletter*, 13(2), 37–45.

Stiglitz, J. E., Sen, A., & Fitoussi, J.-P. (2009). The Measurement of Economic Performance and Social Progress Revisited. *OFCE*, 2009–33, 64, available at: <https://spire.sciencespo.fr/hdl:/2441/5l6uh8ogmqldh09h4687h53k/resources/wp2009-33.pdf> (accessed: 02.08.2020).

Veenhoven, R., & Vergunst, F. (2014). The Easterlin Illusion: Economic Growth Does Go with Greater Happiness. *International Journal of Happiness and Development*, 1(4), 311–343. DOI: 10.1504/IJHD.2014.066115.

Wolfers, J. (2003). Is Business Cycle Volatility Costly? Evidence from Surveys of Subjective Well-Being. *International Finance*, 6(1), 1–26. <https://doi.org/10.1111/1468-2362.00112>.

Authors

Olga Nikolaevna Antipina — Doctor of Economics, Professor, Department of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation; e-mail: antipina@econ.msu.ru).

Anna Dmytrivna Krivitskaya — Student, Department of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation; e-mail: krivitskaiaanna@gmail.com).